

Роль культурного ландшафта в формировании регионального самосознания Старицкого Верхневолжья на рубеже XIX–XX вв.

Светлана А. Воронова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, svetlana1916007@rambler.ru*

Аннотация. Согласно информационно-аксиологическому подходу Ю.А. Веденина и М.Е. Кулешовой, значительную роль в формировании культурного ландшафта играют духовные и интеллектуальные ценности, передаваемые в виде информации от поколения к поколению. Комплексное изучение культурного наследия и его актуализация в составе культурного ландшафта дают возможность проследить роль ценностей традиционной культуры в современной социокультурной ситуации. Через узнаваемые и значимые образы, концепты и символы обнаруживается тесная связь между культурным ландшафтом и локальным самосознанием. Ассоциативные смыслы и значения культурного ландшафта территории влияют на социокультурный потенциал локального общества, идентификацию его места во внешней среде. На рубеже XIX–XX вв. жители Старицкого края активно занимались изысканиями в области краеведения, архивоведения, стремились сохранять местное культурное наследие в коллективных практиках, коллекционировании, в публикациях в исторической периодике. Историко-культурный ландшафт послужил вдохновением для изысканий И.П. Крылова, А.Н. Вершинского, С.И. Покровского, А.Д. Ушакова. Огромную роль в сохранении региональной культуры играло духовенство. Священнослужители Старицкого Верхневолжья являлись членами Тверской ученой архивной комиссии, подписчиками исторических журналов, собирателями местного фольклора и архивариусами. Старицкие усадьбы, находясь на удалении от губернского центра и обладая мощным культурно-историческим потенциалом, имели большое влияние на культуру уезда в целом, их художественные ценности стали основой формирования регионального самосознания и впоследствии послужили ядром коллекции уездного музея.

Ключевые слова: Старицкое Верхневолжье, культурный ландшафт, региональное самосознание, провинциальная культура, культурное наследие, культурная память, краеведение, уездный музей

Для цитирования: Воронова С.А. Роль культурного ландшафта в формировании регионального самосознания Старицкого Верхневолжья на рубеже XIX–XX вв. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 7. С. 21–35. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-21-35

The role of the cultural landscape in the formation of the regional identity of the Staritsky Upper Volga region at the turn of the 19–20th centuries

Svetlana A. Voronova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
svetlana1916007@rambler.ru*

Abstract. According to the information-axiological approach of Yu.A. Vedenin and M.E. Kuleshova, spiritual and intellectual values transmitted in the form of information from generation to generation play a significant role in the formation of the cultural landscape. The comprehensive study and actualization of cultural heritage as part of the cultural landscape reveals the role of traditional culture values in the modern socio-cultural situation. There is a close connection between the cultural landscape and local self-awareness through recognizable and meaningful images, concepts and symbols. Associative meanings and meanings of the cultural landscape of the territory affect the socio-cultural potential of the local society, the identification of its place in the external environment. At the turn of the 19–20th centuries the inhabitants of the Staritsky region were actively engaged in research in the field of local history, archiving, sought to preserve the local cultural heritage in collective practices, collecting, in publications in historical periodicals. Historical and cultural landscape served as inspiration for research of I.P. Krylov, A.N. Vershinsky, S.I. Pokrovsky, A.D. Ushakov. The clergy played a huge role in preserving regional culture. The clergy of the Staritsky Upper Volga region were members of the Tver Scientific Archival Commission, subscribers of historical journals, collectors of local folklore and archivists. The old manors, being at a distance from the provincial center, and possessing a powerful cultural and historical potential, had a great influence on the culture of the county as a whole, their artistic values served as the core of the collection of the county museum.

Keywords: Staritsky Upper Volga region, cultural landscape, regional identity, provincial culture, cultural heritage, cultural memory, local history, county museum

Введение

Материальная и нематериальная культура соотносится с особенностями той территории, на которой она развивается. В документе Квебекской декларации¹ по сохранению духа места, принятой в Квебеке (Канада) 4 октября 2008 г., отмечается, что формированию места и приданию ему духа способствуют материальные (достопримечательные места, здания, ландшафты) и нематериальные элементы (воспоминания, рассказы, письменные

ISSN 2686-7249 Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 7

документы, фестивали, торжественные мероприятия, обряды, традиционные знания, и т. д.), которые осязаемо воплощаются в культурном ландшафте в виде памятников, а неосязаемо становятся внешними признаками региональной идентичности.

Эта проблематика является предметом пристального изучения в среде российских гуманитариев. По словам Р.Ф. Туровского,

...культурный ландшафт стал своеобразной подстилающей поверхностью, на которой строилось и продолжает строиться региональное самосознание [Туровский 2003, с. 139].

Ю.А. Веденин и М.Е. Кулешова [Веденин, Кулешова 2004, с. 15] рассматривают культурный ландшафт как пространство смыслов, среды обитания людей. Эти смыслы сосредоточены в известных в регионе архитектурных сооружениях; в личности гения места; в литературных или художественных произведениях, чьим вдохновением послужил регион; в памяти об исторических событиях; в легендах и мифах места; в традиционных общественных акциях; в ремеслах; топонимике. Как отмечает М.В. Назукина², коллективные смыслы поддерживают единство регионального сообщества. И.М. Бусыгина подчеркивает важность наличия у местных жителей знания о своем регионе и связанных с ним эмоций для формирования региональной идентичности³. Активизация социокультурной роли объектов культурного и природного наследия в локальных обществах [Веденин 2018, с. 147]) создает необходимые условия для формирования регионального самосознания.

Старицкий район Тверской области с центром в малом российском городе, с преимущественно традиционной сельской культурой, неспешностью социальной жизни имеет прочную взаимосвязь с живой природой, естественными ландшафтами. Тесный контакт жителей, их более глубокое чувство друг к другу всегда способствовали сохранению социальной информации и ее востребованности. Старица, будучи с момента возникновения Успенского монастыря духовным центром, центром золотного шитья Евфросиньи Старицкой, затем ставкой Ивана Грозного, его «Любим-городом», местом встречи со Стефаном Баторием, с началом эпохи железных дорог, обошедших город стороной, утрачивает свое значение и превращается в тихий уездный.

² Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2009.

³ Бусыгина И.М. Политическая регионалистика. М.: РОССПЭН, 2006.

Осмотрев Старое городище, путешественник И.Ф. Тюменев в 1893 г. запишет:

Грустно и тяжело было смотреть на эту опустелую местность, где начиная с 1297 года, когда «срублен бысть город на Волзе, ко Зубцову, на Старице», и вплоть до XVII столетия кипела жизнь, бушевали страсти, где люди жили, волнуясь своими крупными и мелкими интересами, работали, трудились... а теперь не только от них, но даже и от самого города не осталось ничего, и только ветер разгуливает по широкой равнине⁴.

Но, как отмечает А.В. Истомин, «чем древнее город, тем более возрастает значимость культурных ценностей, которые были созданы на протяжении столетий»⁵. Даже в период утраты городом прежнего значения старичане не оставались равнодушными к своей истории, выявляя, сохраняя и передавая потомкам индивидуальное своеобразие местной культуры. Земская реформа 1864 г. способствовала привлечению внимания лиц, участвовавших в усовершенствовании жизни родного края к изучению его особенностей. К этому времени появляются организации, ставящие задачу популяризации культурного наследия своей малой родины. Тверская ученая архивная комиссия (ТУАК), в чьем «Алфавите личного состава и действительных членов...»⁶ из 100 фамилий 17 были старичане – представители разных сословий: купцы, дворяне, священнослужители, мещане – активно занималась выявлением, сохранением, систематизацией, описанием исторических памятников, организацией музеев, изданием краеведческой литературы, пропагандой знаний о своем крае. Старицкие любители истории родного края активно собирали коллекции предметов старины, занимались археологическими изысканиями, наблюдениями за природой, собиранием фольклора, стремились публиковать и популяризировать историко-культурные материалы посредством устройства открытых лекций.

⁴ Тюменев И.Ф. Старица // Тверь в записках путешественников. Вып. 3: Водные пути Верхней Волги: Вторая половина XIX – начало XX века. Тверь, 2014. С. 344.

⁵ Истомин А.В. Музей как константа культуры: центр и провинция // Центр – Провинция: Историко-психологические проблемы: Материалы Всерос. науч. конф. 6–7 дек. 2001 г. Санкт-Петербург. СПб.: Нестор, 2001. С. 198 [Электронный ресурс]. URL: <https://pandia.ru/text/77/28/96530.php> (дата обращения 11 декабря 2021).

⁶ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 436.

Культурно-символическое осмысление жителями Старицы отличительных черт своего места обитания документально подтверждается все теми же публицистическими материалами И.Ф. Тюменева. Среди повстречавшихся И.Ф. Тюменеву рыбаков, живших неподалеку от монастыря, оказался археолог, поделившийся сведениями о старом Борисоглебском монастыре. В память о разобранной по ветхости в 1803 г. постройке жители воздвигли каменную часовню-столб, который просуществовал вплоть до Великой отечественной войны (запечатлен на фотографии С.М. Прокудина-Горского⁷). Важно упомянуть, что до разбора Борисоглебский собор 1561 г. был зарисован местным старожилом Веревкиным:

Если бы местный старожил г. Веревкин не сделал в свое время рисунка с этого храма, мы не имели бы о нем никакого представления, а между тем старицкий Борисоглебский храм мог бы быть назван по стилю младшим братом московского Василия Блаженного⁸.

Формирование смыслов старицкой региональной культуры на рубеже XIX–XX веков

Уникальные особенности территории являются основой для региональной самоидентификации. Неповторимость смыслов и образов в локальном пространстве становится важной для местного старицкого сообщества в конце XIX – начале XX в. Особо значимые места аккумулируют культурную память, вызывая у жителей чувство сопричастности с локусом, осознание и эмоциональную связь со своей территорией. Огромную роль в формировании культурных смыслов Старицы и Старицкого уезда в начале XX в. сыграл человек, обладавший широким кругом интересов и большой энергией. Это И.П. Крылов, почетный житель города с 1901 г.⁹ Его интересовало все, что было связано с родным краем: от метеорологических наблюдений до археологических раскопок. И.П. Крылов являлся учредителем Старицкого общества православных хоругвеносцев, организации, принимавшей участие во всех патриотических манифестациях, торжественных богослуже-

⁷ Родной брат С.М. Прокудина-Горского, В.М. Прокудин-Горский, проживал в имении Дубровском Кобелевской волости Старицкого уезда.

⁸ Тюменев И.Ф. Указ. соч. С. 345.

⁹ Журнал № 99 заседания ТУАК от 20 сентября 1905 года. С. 40 // ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 12374. Л. 157 об.

ниях и крестных ходах¹⁰. Общество имело хоругвь с изображением старицких святых – святителя Германа, Архиепископа Казанского, и преподобного Дионисия, архимандрита Троице-Сергиева монастыря – уроженцев Старицкой земли, важных фигур в дискурсе региональной культуры.

В 1903 г. И.П. Крылов провел раскопки и сделал описания восьми курганов (Щапово, Старицкое городище). Делегация участников 2-го Областного археологического Съезда во главе с директором Общего архива Министерства Императорского Двора А.В. Половцевым посетила раскопки и небольшую выставку найденных при раскопках предметов, устроенную в старицком духовном училище. На состоявшейся затем беседе А.В. Половцев заметил:

Я нахожусь под большим впечатлением всего виденного и слышанного. Старица прежде на географической карте или совсем не была обозначена никаким знаком, или обозначена малою точкою, но теперь этот городок в археологическом отношении будет иметь серьезное значение и на карте будет обозначен крупным знаком. По приезде в Петербург я везде буду разглашать о старицких раскопках¹¹.

Собирая коллекцию предметов, найденных при археологических раскопках в Старицких курганах, И.П. Крылов способствовал созданию Старицкого исторического музея. Экспозиция располагалась первоначально в его доме, где появилась табличка: «Музей местной истории». «Такая мысль должна прийти каждому человеку, мало-мальски любящему свою родину и ее историю»¹², – писал он. И.П. Крылов не ограничивался метеорологическими наблюдениями и раскопками. 23 августа 1910 г. он обратился к губернатору с прошением об учреждении в Старице специального историко-краеведческого журнала «Тверская старина». Необходимость организации такого издания И.П. Крылов пояснял так:

Знать... прошлое местного края необходимо для всякого культурного человека... На культурном западе почти каждый может сообщить

¹⁰ *Шитков А.В.* Заложник эпохи: Материалы к жизнеописанию Почетного гражданина города Старицы Ивана Петровича Крылова – издателя, краеведа и общественного деятеля. Старица, 2017.

¹¹ *Крылов И.П.* Археологические раскопки в бывшем Старицком Кремле, произведенные в 1903 году. Старица, 1905. С. 44.

¹² *Крылов И.П.* Старица и ее достопримечательности. Старица, 1915. С. 104.

о прошлом своей местности. О том или ином памятнике древности. Но у нас часто не только не имеют этих сведений. Но даже бессознательно истребляют те самые памятники, которые имеют огромное значение для науки¹³.

В журнале И.П. Крылов планировал размещать статьи по истории Тверского края, исторические документы: договорные грамоты тверских князей, фрагменты тверских писцовых книг, описную книгу старицкого Успенского монастыря, Микулинскую летопись, данные о «живой старине» – обычаях и обрядах тверичей, заметки об исследователях Тверского края и знаменитых земляках. Ответственным редактором журнала стал А.Н. Вершинский, смотритель Императорского Археологического института. Выпуски журнала имели невысокую стоимость, поэтому были доступны широкому кругу читателей. Объясняя появление издания такой направленности в уездном, а не в губернском центре, Л. Котлярская отмечает специфику взаимоотношений центра и «провинции» в Российской империи в начале XX в.:

Центр не должен стягивать к себе культурные силы... Такой мыслящей «глубинкой» и была дореволюционная Старица. Роль, сыгранная ею в создании общетверского исторического журнала, убедительно доказывает уровень ее культурного развития [Котлярская, Фрейденберг 1990, с. 24].

До 1913 г. успело выйти 24 номера журнала. Сам И.П. Крылов опубликовал на его страницах за это время более 20 статей по истории, археологии и культурному наследию Старицкого уезда. В поисках новых подписчиков журнала «Тверская Старица» издатель И.П. Крылов обращался к Тверскому архиерею высокопреосвященному Антонию. Суть просьбы была в рекомендации подписки журнала местному духовенству, поскольку статей, касающихся истории местных церквей, в журнале было достаточно.

И.П. Крылов известен также своей страстью к коллекционированию. В отличие от других провинциальных коллекционеров, он имел возможность щедро платить за приобретаемые у антикваров и частных лиц старинные вещи и документы. Собранные артефакты требовали систематизации и демонстрации общественности. Так, в 1903 г. появляется брошюра И.П. Крылова «Старица и ее достопримечательности», в 1915–1916 гг. – серия брошюр «Достоприме-

¹³ Тверская старина: исторический журнал. 1913. № 1 (январь–февраль). С. 4–5.

чательности в уезде». В последней работе в трех выпусках собраны исторические документы, данные археологических раскопок, рассказы старших современников автора, народные предания.

Духовная жизнь Старицы всегда была наполнена яркими символами: Старицкий Успенский монастырь, известный деятельностью Дионисия Радонежского и патриарха Иова, сельские храмы и часовни, святые источники. Поэтому старицкое духовенство активно интересовалась история родного края. Священник Георгиевской церкви села Юрьевское Алексей Дмитриевич Ушаков, будучи членом Тверской ученой архивной комиссии (ТУАК), собрал и опубликовал материалы по истории сел Юрьево, Спас, Мичково, активно участвовал в археологических раскопках, собирал фольклорный материал (песни, легенды, сказания) и публиковал его в Тверских епархиальных ведомостях. Например, «Крестьянская свадьба конца XIX в. в Старицком уезде Тверской губернии. Свадебные обряды, гадания, приговоры, причитания и песни», «Схинонах Иона, строитель Иванишского монастыря».

Деятельность другого священника города Старицы, С.И. Покровского, была связана с архивной работой. Им составлена «Опись архивного фонда Богоявленской церкви города Старицы». Являясь членом ТУАК, он выступал с лекциями в Старицком епархиальном училищном совете среди священников уезда, а после 1917 г. просил возложить на себя заведывание всеми архивами города. Вскоре, по просьбе прихожан, С.И. Покровский вернулся к службе в Богоявленском храме. Однако он написал прошение в Губархив:

Я не желаю бросать это дело, которое Вы мне дали, из чувства признательности я буду работать... Платы не назначаю никакой. Все, что дадите, беру с благодарностью, единственно – не отдаляйте от дела, ибо дело интересное...¹⁴.

С.И. Покровский проделал огромный труд, сделав городскую опись, в которой насчитывалось 2438 дел.

Священник Василий Миролюбов церкви Успения Пресвятой Богородицы с. Бернова, по просьбе известного историка и пушкиниста Б.Л. Модзалевского, копировал надписи на надгробиях берновского кладбища и делал выписки из метрических книг о семье Вульфов и других прихожанах берновской церкви с 1804 по 1908 г. Кроме того, В. Миролюбов собрал 2000 частушек-прибауток, которые Императорская Академия наук, к сожалению, издать отказалась. Желая опубликовать их, священник обращается с просьбой

¹⁴ ГАТО. Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 23. Л. 63.

к Б.Л. Модзалевскому о содействии в публикации и о написании отзыва к ним¹⁵.

Немалую роль в спонсировании археологических раскопок и оказании финансовой помощи в реставрации церквей оказывало местное купечество. Так, Николай Михайлович Клушанцев, будучи церковным старостой Васильевской кладбищенской церкви, выделил средства для ее поновления. Сергей Владимирович Веревкин, как городской староста, оказывал помощь в проведении экскурсии по городу для делегатов второго Областного археологического съезда. Вышеупомянутые купцы были яркими представителями ТУАК от старицкой земли.

Старицкие работники образования стояли у истоков развития местного краеведения. Будучи учителем в Микулинской сельской школе 3-й ступени Старицкого уезда, А.Н. Вершинский в докладной записке Старицкому Управлению народного образования (УНО) в 1918 г. предлагает разработать пособия по истории культуры местного края и издавать их. УНО решает поручить А.Н. Вершинскому взять на себя издание «Альбома памятников первобытной культуры, этнографического искусства Старицкого уезда». В «Отчете от 2 июля 1923 г. об экспедиции студентов Тверского университета в Старицкий уезд»¹⁶, А.Н. Вершинский волнуется о состоянии Пушкинских уголков Старицкого уезда и необходимости их сохранения от полного исчезновения.

Актуализация нематериального культурного наследия региона в культурном ландшафте

Материальные объекты культурного наследия являются носителями нематериальной информации и способствуют формированию групповой самоидентификации локальных сообществ. В публичных акциях, приуроченных к памятным датам уезда (почитание Дионисия Радонежского), или шествиях к святым источникам использовались символы и контексты, отсылающие к прошлому. Памятники культурного наследия в культурном ланд-

¹⁵ Строганов М.В. Письма берновского священника В. Миролюбова к Б.Л. Модзалевскому // Пушкинские чтения. Берново. Вып. 4. Старица, 2015. С. 60.

¹⁶ Отчет А.Н. Вершинского о результатах экспедиции студентов Тверского педагогического института в Старицкий уезд 27 июля 1923 г. // ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 71. Л. 10–12.

шафте в данном случае являются маркерами исторической памяти на таких мероприятиях. Как отмечает А.Ю Швая¹⁷, крестный ход можно рассматривать как социальный перформанс, направленный на оживление культурной памяти.

В первой четверти XX в., по свидетельствам старицких краеведов, регулярно проходили крестные ходы к святыням уезда. Так, И.П. Крылов писал, что

...близ деревни Десятины находится местность, где было раньше село Ильинское, в котором стоял храм, где в XVI в. служил преподобный Дионисий, будущий настоятель Троице-Сергиевой Лавры. Сейчас здесь нет никаких следов от деревни и церкви, кроме одного вала. В настоящее время в сей местности находится часовня, построенная в память Преп. Дионисия в 1905 г. Ежегодно 12 мая из церкви Глебова к сей часовне совершался торжественный крестный ход при большом стечении молящихся¹⁸.

Около деревни Бабынино при Черном ручье когда-то находился маленький кирпичный памятник в честь святителей первоверховных апостолов Петра и Павла – колодец-ключ. «Местечко это, – писал И.П. Крылов, – издавна пользуется большим почитанием в приходе, и каждый год, 29-го июня, из церкви с. Глебова сюда совершается крестный ход, также при большом стечении молящихся»¹⁹. То есть культурный ландшафт в данном случае является пространством, где конструируются коллективные нарративы о прошлом, наполненные культурным содержанием.

¹⁷ *Швая А.Ю.* Конструирование прошлого в православном дискурсе в публичном пространстве Санкт-Петербурга: Выпускная квалификационная работа. СПб., 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/160567898/?*=I5Osp3W7jKcxl%2B93seSKSrZkMRp7InVybcI6InlhLWJyb3dzZXI6Ly80RFQxdVhFUFJySlJyBfVGB2V3cnVDM1JkbFdkQjV1VUpDaTljak1CNDRSN21remJHel9PalRzUHJmT1QweHBEWXZiWHBIeTBjb1Y4SWFDcXpyUHhMZUVUbHU5TmVmX2QxTHVkUkcwRzhUSmNIMTVkwlpkZDRYSFIxSkv0UFhDRG51SGJ6UEktZl83enhIVmR2ZS1WcFE9PT9zaWduPXkySk1oS3pPTEdaVGZiMWhtVkvZESWFVbXVYdFN1ZEEx3T1VYcUxseEZEVGc9IiwidGl0bGU0iJTdmFhX1ZLUi5kb2N4Iiwibm9pZnJhbWUiOmZhbnHNLCJ1aWQiOiIxNjA1Njc4O Tg1LzJ0cyI6MTYzOTIzNTkzOTEyOSwieXUiOiI2OTc5OTEwMzIxNDU3MjQ1NzA4In0%3D (дата обращения 11 декабря 2021).

¹⁸ Крылов И.П. Достопримечательности в уезде. Вып. 2. Старица, 1916. С. 21.

¹⁹ Там же.

В местности с небольшим населением актуальна устная культура, поэтому велика роль бытования мифа. Так, И.Ф. Тюменев в своих записках сообщал о выделении знакового и таинственного места в пространстве города Старицы: местные жители настоятельно советовали ему посетить часовню на краю города по московской стороне. Якобы

...на этом месте умер патриарх Иов, возвращаясь из Москвы, другие утверждали, во времена перенесения тела патриарха в Москву на этом месте остановились лошади, везшие мощи, и не хотели тронуться с места, когда же их начали понуждать, то они оторвали себе не то подковы, не то самые копыта – верный признак того, что святителю не угодно было расставаться со своею Старицею²⁰.

Мифологемы являются неотъемлемой частью конструирования региональной идентичности. Е.В. Головнева [Головнева 2016, с. 258] рассматривает их как возможность повышения статуса, возвышение истории и культуры своего города. В контексте мифологизации пространства актуализируется чувство эмоциональной сопричастности жителей своим родным местам.

Роль усадебного ландшафта в сохранении культурной памяти

Старицкие усадьбы, находясь на удалении от губернского центра и обладая мощным культурно-историческим потенциалом, имели большое влияние на культуру уезда в целом. В архивах усадеб хранилась информация о традиционном хозяйствовании: юридическая, служебная документация, письма, материалы по истории рода и поместья, творческой деятельности хозяев, художественные ценности. В усадьбах Берново, Малинники, Павловское, Чукавино бывал А.С. Пушкин и оставил записи в альбомах А.Н. Вульф и М.В. Борисовой, стихотворную запись на дереве в парке Берново. В форме сначала устного сообщения плотника деревни Малинники, крестьянина Гавриила Ермолаева, записанный краеведом Д.А. Цветковым со слов его внука, а затем задокументированного в старицкой газете «Верный путь»²¹, сохранился рассказ о встрече с поэтом.

²⁰ Тюменев И.Ф. Указ. соч. С. 358.

²¹ Верный путь. 1972. 3 июня.

Владельцы усадеб, стремясь сохранить память о своих предках, передавали семейные архивы на хранение в тверской музей. Так, в 1894 г. А.Е. Поликарпов, владелец имения Панафидино, пожертвовал Тверскому музею часть фамильного архива. В 1903 г. Н.В. Поликарпова дополнила переданный архив документами XVIII–XIX вв.²²

Революционные события 1917 г. вначале не влияли на усадебный быт, в имениях до 1919 г., несмотря на постановление ВЦИК «О социальном землеустройстве», продолжали жить прежние владельцы²³. Такое положение вещей было не исключительным в России в первые годы после революции. Как отмечает М.А. Полякова [Полякова 2021, с. 49], мемуары и архивные документы подтверждают, что владельцы усадеб получали надел земли от земельных комитетов и самостоятельно обрабатывали его, без использования наемной силы, таким образом часто спасаясь от голода. По циркуляру Наркома от 16 сентября 1918 г., земельные комитеты получили право оставлять на местах тех помещиков, которые не проявляли контрреволюционных стремлений и вели хозяйство, не прибегая к наемному труду. Так, например, Инна Степановна Панафидина, бывшая владелица усадьбы Малинники, была выселена из усадьбы только в 1926 г. Дворянин имения Беклово Луковниковской волости Владимир Сергеевич Болт писал в Старицкий уездный земельный комитет:

Желая и в настоящее время не быть тунеядцем, а служить целям культурного пользования землею, прошу оставить меня в качестве заведующего имением на прежних основаниях до сдачи его агроному, назначенному наблюдать за имением, как культурным. При приеме имения агрономом – оставить меня в качестве помощника агронома...²⁴

В 1918 г. помещики Панафидины открыли для населения в Курово-Покровском школу, где обучали детей «всем предметам и иностранным языкам»²⁵.

²² Быкова Л.А. Усадебные архивы [Электронный ресурс] // Тверская усадьба: Указатель архивных документов, книг и статей: (1900–1995). Ч. 1. Тверь, 1996. URL: <https://proza.ru/2017/04/17/1732> (дата обращения 11 декабря 2021).

²³ ГАТО. Ф. Р-1320. Оп. 2. Д. 120. Л. 276–276 об.; Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 42. Л. 121.

²⁴ Пушкинские чтения. Берново: Сб. статей по материалам Пушкинских чтений. Вып. 4. Старица, 2015. С. 201.

²⁵ ГАТО. Ф. Р.-1320. Оп. 2. Д. 120. Л. 345.

Заключение

Культурная ценность провинции заключается в способности создания ее жителями собственного самобытного мира. Информационно-символическое поле культурного ландшафта воздействует на формирование регионального самосознания через смыслы региональной культуры. Вследствие своей насыщенности символическими значениями и воплощенными ценностями, культурный ландшафт Старицкого Верхневолжья стал той основой, на которой происходила передача традиций, формирование локального самосознания. В локальном старицком сообществе на рубеже XIX–XX вв. можно отметить активную и ответственную позицию местных жителей по отношению к своему региону: сохранение памяти места, формирование представлений о его уникальности. В сообществе была организована исследовательская работа: успешно проводились археологические раскопки и архивные изыскания. Эта работа координировалась сначала губернским археологическим обществом, затем подотделами культуры. В тот период зарождалось новое историческое знание – краеведение, получившее свое развитие после революции 1917 г. В качестве примеров развития методики описания провинциального региона можно привести исследования И.П. Крылова и А. Вершинского. Они оценивали значимость историко-культурных предметов, явлений и событий с точки зрения жителей региона, выявляя все новые объекты культурного и природного наследия, создавали огромный пласт информации, фиксировали и систематизировали его. Организация в тот период местного музея способствовала формированию и развитию устойчивых представлений о своеобразии локальной традиционной культуры. Таким образом, в актуализации памятных мест, создании исторического журнала, исследовательской работе и создании музея формировалось региональное самосознание жителей Старицкого Верхневолжья.

Литература

- Веденин 2018 – *Веденин Ю.А.* География наследия: Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. М.: Новый хронограф, 2018. 472 с.
- Веденин, Кулешова 2004 – *Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.* Культурный ландшафт как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.; СПб.: Ин-т наследия: Д. Буланин, 2004. С. 13–36.
- Головнёва 2016 – *Головнёва Е.В.* Мифологизация как способ конструирования городской идентичности // Уральский исторический вестник. 2016. № 3 (152). С. 43–49.

- Котлярская, Фрейденберг 1990 – *Котлярская Л., Фрейденберг М.* Из истории Тверской культуры: Анатолий Николаевич Вершинский. Тверь, 1990. 160 с.
- Полякова 2021 – *Полякова М.А.* Культурное наследие в музейных источниках: русская усадьба после 1917 года // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 1 (101). С. 43–50.
- Туровский 2003 – *Туровский Р.Ф.* Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в современной России. СПб., 2003. С. 139–173.

References

- Golovneva, E.V. (2016), “Mythologization as a way of constructing urban identity”, *Ural Historical Journal*, no. 3 (152), pp. 43–51.
- Kotlyarskaya, L. and Freidenberg, M. (1990), *Iz istorii Tverskoi kul'tury: Anatolii Nikolaevich Vershinskii* [From the history of Tver culture: Anatoly Nikolaevich Vershinsky], Tver, Russia.
- Polyakova, M.A. (2021), “Cultural heritage in museum sources: the Russian estate after 1917”, *The bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, no. 1 (101), pp. 43–50.
- Turovskii, R.F. (2003) “Correlation of cultural landscapes and regional Identity in Modern Russia”, *Identichnost' i geografiya v postsovetsoi Rossii*, Saint Petersburg, Russia, pp. 139–173
- Vedenin, Yu.A. (2018), *Geografiya naslediya. Territorial'nye podkhody k izucheniyu i sokhraneniyyu naslediya* [Geography of heritage. Territorial approaches to the study and preservation of heritage], Novyi khronograf, Moscow, Russia.
- Vedenin, Yu.A. and Kuleshova, M.E. (2004), “Cultural landscape as a category of heritage”, Vedenin, Yu.A. and Kuleshova, M.E. (eds.), *Kul'turnyi landshaft kak ob'ekt naslediya* [Cultural landscape as a category of heritage], Institut naslediya, D. Bulanin, Moscow, Saint Petersburg, Russia, pp. 13–37.

Информация об авторе

Светлана А. Воронова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; svetlana1916007@rambler.ru

Information about the author

Svetlana A. Voronova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; svetlana1916007@rambler.ru